

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РУССКОЙ МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Самара. Самарский государственный университет

Русский марксизм рубежа XIX – XX веков формировался не только как направление общественной мысли или попытка теоретического обоснования леворадикального политического движения, но и как методология социальных наук и теория исторического процесса. В этом качестве традиция дореволюционного отечественного марксизма была богата оттенками и внутренними течениями; лишь немногие из наметившихся тогда тенденций были востребованы и развиты в советский период.

Именно сейчас, когда марксизм перестали считать «верным и потому всесильным» учением об обществе, «наступает время критического осмысления всего методологического наследия в целом, в том числе и марксистского» [1]. Настало время показать русский марксизм не как догматическое, застывшее учение, располагавшее патентом на «единственно верное» решение всех актуальных вопросов своего времени, и не как inferнальное порождение злокозненных сил, а как полноправное направление русской мысли, рожденное и развивавшееся в атмосфере напряженных интеллектуальных поисков.

В развитии русского марксизма как теоретического и методологического направления отечественной мысли конца XIX – начала XX века можно, с нашей точки зрения, выделить три основных этапа.

Первый этап приходится на 1880-е – 1900-е годы. В это время состоялось оформление классической парадигмы русского марксизма, которая в теоретическом отношении была связана прежде всего с именем Г.В. Плеханова. Для этой парадигмы характерно представление об истории человеческого общества как о строго закономерном процессе. История представляла как объективно-необходимый, детерминированный процесс, не оставляющий места ни для случайности, ни для произвола отдельно взятой личности или даже «толпы» [2]. Русские марксисты часто прибегали к метафорическому описанию общества как колоссального механизма, хода истории – как движения небесных тел, траекторию которого можно точно вычислить заранее [3]. Ключевой момент истории, – переход «из царства необходимости в царство свободы», то есть пролетарскую революцию, – они трактовали как триумф разума и дисциплины над стихией, как подчинение рациональному плану всех сторон общественной жизни и человеческого поведения [4]. Эта модель восприятия истории была общей для

большевиков и меньшевиков; их разъединяло лишь представление о сроках и методах осуществления грядущей революции, степень политического радикализма.

Характерной особенностью классической парадигмы русского марксизма была и трактовка взаимоотношений «базиса» и «надстройки» как довольно жесткой односторонней зависимости. Даже в специальных исследованиях, посвященных психологической стороне исторического процесса (яркий пример тому – разработанная Н.А. Рожковым типология человеческих характеров, а также труды Г.В. Плеханова по истории общественной мысли [5]), сторонники этой парадигмы подчеркивали, что эволюция человеческой психологии и культуры определяется изменениями в социально-экономической жизни общества и в силу этого носит вторичный, отраженный характер.

При рассмотрении конкретных исторических проблем русские марксисты активно использовали традиции своих старших современников – отечественных ученых-позитивистов. Это прослеживается в многочисленных работах по социально-экономической истории, написанных с позиций «экономического материализма»: исследованиях Н.А. Рожкова, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, П.П. Маслова и других. Считая, вслед за Марксом, движущей силой исторического процесса развитие производительных сил, русские марксисты в то же время подчеркивали значение демографического и географического факторов истории [6], указывали на роль международного обмена и геополитического соотношения сил как стимулов внутреннего развития [7]. В этом, на наш взгляд, можно обнаружить несомненное влияние идей М.М. Ковалевского и «русской исторической школы», а также школы В.О. Ключевского. Под влиянием доктрины Ковалевского у русских марксистов сформировался научный интерес к роли обмена в системе производственных отношений. Показательно, что именно историческая эволюция форм обмена и распределения была положена в основу периодизации истории в трудах ряда русских марксистов; один из самых ярких примеров тому «Краткий курс экономической науки» Богданова, по которому постигали основы марксистской политэкономии первые поколения членов РСДРП [8]. Соответствовали традициям русской исторической науки и представления отечественных марксистов об истории России как истории непрерывной внутренней колонизации [9].

Эта тесная идейная близость марксистов и позитивистов свидетельствовала о глубинном внутреннем родстве их исторических воззрений. Русский марксизм классического образца довел до логического предела то восприятие исторического знания и исторической науки, которое было присуще позитивизму: главной целью исторического познания для того и другого течений было установление законов общественного развития, что сделало бы возможным научное предвидение будущего и позволило бы практиковать социальную инженерию [10]. В этом плане марксизм и пози-

тивизм можно рассматривать как два равноправных ответвления историче- ской модели мышления, характерной для XIX века.

Русский марксизм формировался в эпоху, когда изменялась сама структура гуманитарного знания: начало XX века было временем рожде- ния исторической антропологии. В европейской мысли начинался поворот от причинно-следственного, детерминистского *объяснения* хода истории к *пониманию* внутреннего мира и культурных ценностей тех людей, которые эту историю созидали. Отечественный марксизм не остался в стороне от этого процесса: внутри самого марксистского направления русской мысли в начале XX века шел поиск новых способов осмысления истории и места в ней человека.

Первая попытка существенного обновления марксистской доктрины была предпринята на рубеже 1890-1900-х гг. силами представителей «кри- тического марксизма», – П.Б. Струве, П.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.И. Туган-Барановского. Критические марксисты стремились объединить марксистское учение о *классовой борьбе* и кантовское представление об абсолютном характере человеческих ценностей; представление об объек- тивно детерминированном характере исторического процесса – и воспри- ятие свободы в либерально-гуманистическом смысле слова, как свободы нравственного выбора. Их творчеству было присуще восприятие историче- ской реальности как арены борьбы за реализацию общественных идеалов, где успех определяется не только соотношением «объективных» социаль- но-экономических сил, но и нравственной высотой противоборствующих идеалов [11]. Впрочем, найденные ими теоретические решения проблемы соотношения детерминизма и свободы зачастую представляли собой неустойчивый компромисс взаимоисключающих идей; это и стало одной из причин распада группы «критических марксистов», произошедшего в на- чале XX века. Чтобы выйти из интеллектуального тупика, Бердяев и Бул- гаков обратились к религиозной философии: Туган-Барановский остался на теоретических позициях, близких к критическому марксизму, но более не считал себя приверженцем марксистской доктрины [12]. Наконец, соци- ально-экономические воззрения Струве до самого завершения его научной карьеры несли на себе отпечаток двойственности: в основу своей социаль- ной теории Струве положил идею непреодолимого «основного дуализма» рационального и иррационального, сознательного и стихийного начал [13].

Третий этап в развитии русского марксизма (и, соответственно, еще одна попытка создать новую парадигму русского марксизма) относится к середине 1900-х -- середине 1910-х гг.; он был связан с распространением в русской мысли философии эмпириокритицизма и формированием идеоло- гии богостроительства. Странники этих теоретических направлений – А.А. Богданов, В.В. Базаров, А.В. Луначарский, А.М. Горький, – образова- ли достаточно сплоченную идейную фракцию, выступая единым фронтом

в бесчисленных дискуссиях с приверженцами классической версии марксизма.

Эмпириокритицизм пришел в российскую интеллектуальную жизнь как знамя обновления марксистской доктрины; его приверженцы стремились не допустить превращения марксизма в ортодоксальное учение [14]. Для философов-эмпириокритицистов – Богданова и Базарова – был характерен интерес к гносеологическим и эпистемологическим проблемам. С их точки зрения, любые научные и теоретические закономерности, познанные человеком, носят относительный характер; они представляют собой не что иное, как эвристические конструкции, созданные для упорядочения данных опыта и систематизации знания [15]. Поэтому эмпириокритицисты избежали той фетишизации исторических законов, которая так явно проявилась в творчестве ортодоксальных марксистов; исторические закономерности представлялись им не в качестве могущественных сил, из-за кулис дирижирующих событиями и поступками, а скорее как научные формулы, как вычисленная апостериори равнодействующая разнонаправленных социальных сил [16]. Не случайно для совместной борьбы с новыми течениями объединились лидеры меньшевизма и большевизма, Плеханов и Ленин: в данном случае под угрозой оказался краеугольный камень марксистской доктрины – вера в незыблемые исторические закономерности.

Богостроительство выросло из потребности русских левых интеллектуалов дополнить эмоциональной составляющей доктрину Маркса – «это сухое учение, эту стальную догму с ее преобладанием объективных законов над живым человечеством, с ее экономическим методом, с ее выкладками, со всем гнетом немецкой науки, прижавшей к земле поэзию романтического социализма», как писал А.В. Луначарский [17]. Создавая свою версию теории исторического процесса, эмпириокритицисты и богостроители попытались реабилитировать гуманистическое восприятие человека как свободного творческого существа, способного волевым титаническим усилием изменить лик вселенной. Особенностью их антропологии была антииндивидуалистическая направленность: в качестве героя-титана, преобразующего мир, в творчестве Горького, Луначарского и Богданова выступал человеческий вид в целом, причем обязательным условием перехода к коммунистическому обществу им представлялось полное растворение человеческого «я» в коллективном сознании [18].

Наконец, сторонники эмпириокритицизма попытались преодолеть характерное для классического марксизма восприятие отношений экономики и культуры как жесткой односторонней зависимости. В своем фундаментальном труде «Тектология» А.А. Богданов предложил рассматривать все стороны человеческой жизни – от логических форм мышления до технологии производства – как виды организации общественной деятельности; введение основополагающей категории «организации» позволило ему отказаться от канонического марксистского противопоставления базиса и

настройки [19]. Организационная теория Богданова, как показало время, представляла собой самую перспективную в научно-методологическом плане часть теоретического наследия русских марксистов: в современном научном мире тектологию Богданова по праву считают предшественницей синергетики и теории систем [20]. К этому можно добавить, что, на наш взгляд, будь теоретические построения Богданова востребованы профессиональной исторической наукой, они могли бы стать основой для культурно-антропологических исследований: его концепция «способов представлений», сменяющих друг друга в ходе человеческой истории, в определенном смысле предвосхитила изыскания «анналистов» [21].

Подводя итог, можно заключить, что в начале XX века рядом с ортодоксально-классической версией марксистской доктрины начала формироваться иная версия марксизма, связанная с философией эмпириокритицизма и идеологией богостроительства. Ее можно назвать *второй парадигмой марксизма*, по аналогии с описанной в нашей исторической науке «второй парадигмой народничества». Различия между этими двумя парадигмами марксистской идеологии проявились как в теории познания и в философской антропологии, так и в понимании движущих сил исторического процесса.

Теоретические искания приверженцев эмпириокритицизма органично вписываются в контекст развития не только русской, но и мировой исторической мысли XX века. В частности, вполне современным выглядит их убеждение в относительности и «антропоморфности» всех открытых человеческим разумом истин; понимание неоднозначности взаимоотношений культуры и экономики в истории; внимание к сменяющим друг друга в истории «способам представлений». Таким образом, процесс смены парадигм исторического мышления, развернувшийся в русской мысли в XX веке – переход от историцистского, детерминистского видения исторической реальности к культурно-антропологическому, – затронул и марксизм, существенно трансформировав изнутри это интеллектуальное течение.

Трагическая ирония судьбы русского марксизма состояла в том, что на долгие годы были забыты именно наиболее оригинальные и перспективные концепции отечественных марксистов. Превращение марксизма в официальную идеологию авторитарного государства привело не только к прекращению многих дискуссий, но и к общему снижению уровня теоретического мышления: учение, к которому в идеале обязан был приобщиться каждый взрослый гражданин Советской страны, должно было стать общедоступным по своему содержанию. Поэтому в 1920-1930-е годы произошло возвращение к классической парадигме русского марксизма: развитие марксистской доктрины было на несколько десятилетий искусственно заморожено на достигнутом однажды уровне. Неудивительно, что на закате советской эпохи и в годы перестройки «марксизм» ассоциировался исключительно с догматизированным наследием Маркса, Энгельса и Ле-

нива, существенно устаревшим к тому времени в научно-методологическом плане.

Русский марксизм был порождением сложной, переломной эпохи общественного развития: в нем оразились не только социальные бури, но и исторические ожидания, стереотипы мышления и культурный багаж людей того времени. Марксизм как идеология сыграл свою противоречивую и трагическую роль в отечественной истории; марксизм как течение русской мысли во всем многообразии его интеллектуальной палитры, безусловно, еще долго будет привлекать внимание исследователей, стремящихся понять логику человеческих идей, верований, надежд и заблуждений.

Литература

1. Дорошенко Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX века): Учеб. пособие. СПб., 1997. С.162.

2. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти тт. Т.2. М., 1956. С.304.

3. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т.1. М., 1956. С.63, 591; Аксельрод Л.И. Философские очерки: Ответ философским критикам исторического материализма. СПб., 1906. С.142-143, 146; Юшкевич П. О материалистическом понимании истории. СПб., 1907. С.85.

4. Троцкий Л.И. Сочинения. Сер. IV: Проблемы международной пролетарской революции. Т.12: Основные вопросы пролетарской революции. М., б.г. С.128, 136. См. также: Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С.274.

5. Рожков Н.А. Психология характера и социология // Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. Сб. ст. Ч.1. М., 1906. С.165-259; Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. В 3-х тт. М., 1919. Т.1. С.117-119; Т.2. С.51; Т.3. М.-Л., 1925. С.33-41, 141.

6. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С.114-116, 182, 274; Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч.1. Киевская Русь (с VI до конца XII века). СПб., 1903. С.42; Маслов П.П. Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политическую экономию. СПб., 1910. С.31; Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. Изд-е 7-е, дополн. М., 1906. С.13; Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти тт. Т.3. М., 1957. С.152-153.

7. Покровский М.Н. Избранные произведения в 4-х книгах. Кн.1: Русская история с древнейших времен (тт.1 и 2). М., 1966. С.319; Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.85.

8. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С.22-24; Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С.74; Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. СПб., 1905. С.7-8, 10; Рожков Н.А. Основные законы развития общественных явлений (Краткий очерк социологии). М., 1907. С.83-88; Маслов П.И. Теория развития народного хозяйства. С.112-223.

9. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. В 3-х тт. Т.1. С.70-72, 110, 207, 231, 241.

10. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. Сб. ст. В 2-х ч. Ч.1. М., 1906. С.16; Рожков Н.А. Основные законы развития общественных явлений. С.87; Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. С.293; Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. 2. М., 1905. С.14; Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Избранные сочинения. В 10-ти тт. Т.7. М., 1986. С.270, 272; Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.-Л., 1923. С.12.

11. Струве П.Б. Свобода и историческая необходимость // Струве П.Б. На разные темы (1893-1901 гг.): Сборник статей. СПб., 1902; Булгаков С.Н. Закон причинности и свобода человеческих действий (По поводу статьи П.Б. Струве «Свобода и историческая необходимость») // Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму: Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903; Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н.К. Михайловском. СПб., 1901; Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономики и социализма. СПб., 1905.

12. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С.44.

13. Струве П.Б. Хозяйство и цена: Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Ч.1: Хозяйство и общество. – Цена-ценность. СПб., 1913. С.35-37, 60-61; Струве П.Б. Историческое введение в политическую экономию. Изд. 2-е. Пг., 1916. С.128-130; Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С.224-226, 365-366.

14. Очерки по философии марксизма: Философский сборник. СПб., 1908. С.1-2.

15. Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. 1. М., 1908. С.29, 31, 39; Базаров В.В. Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма. С.51, 53.

16. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. М.-Л., 1933. С.21-24.

17. Луначарский А.В. Двадцать третий сборник «Знания» // Литературный распад. Критический сборник. Кн. 2. СПб., 1909. С.85.

18. Горький А.М. Исповедь // Горький А.М. Собр. соч. В 16 тт. Т.5: Повести 1908-1910. М., 1979. С.130-131; Богданов А.А. Красная звезда

(Утопия). СПб., 1908. С. 32-33; Луначарский А. В. Двадцать третий сборник «Знания». С.92.

19. Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. М., 1989; Богданов А. А. Наука об общественном сознании. (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). М., 1914. Идеи Богданова были использованы Н. И. Бухариным в работе «Теория исторического материализма»: Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.-Л.: Госиздат, 1923. С. 237-238, 269-271, 274-275.

20. Сетров М. И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Сер. «Философия». Вып. 8. Л., 1967; Поваров Г. Н. Норберт Винер и его «Кибернетика» // Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1968. С.5-28; Гусев С. С. От «живого опыта» к «организационной науке» // Русский позитивизм: Лесевич, Юшкевич, Богданов. СПб., 1995. С.292, 313; Vucinich, A. Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Science of Society. 1861-1917. Chicago and London, The Univ. of Chicago Press, 1976. P.214, 223, 230.

21. Богданов А. Наука об общественном сознании. С.6, 40-48, 58-59, 81, 100, 198-199.